

ЧЕТЫРЕ

Землетрясение, цунами, пожары ☄ Разгул
стихий в Лиссабоне ☄ День тройной
катастрофы ☄ Первые
сообщения

Будучи не в состоянии описать Великое Землетрясение, один из авторов оправдывался тем, что «подобное бедствие легче почувствовать, нежели изобразить». Автора звали Жозе де Оливейра Трован-и-Соуза, и он писал из Коимбры, опираясь на рассказы вторичных свидетелей катастрофы, «послание, коим один добрый друг сообщает другому о печальном происшествии, имевшем место в Лиссабоне», которое стало одной из первых брошюр в бесконечном ряду подобных публикаций, посвященных Великому Землетрясению. Трован-и-Соуза писал всего через несколько недель после сейсмической катастрофы, но главная трудность для него, как и для нас, заключалась в том, чтобы попытаться поставить себя на место непосредственных жертв стихийного бедствия. Чтобы выйти из положения, он решил прибегнуть к уловке, которую обычно советуют начинающим авторам: воспользоваться тем, что хорошо знаешь. В данном случае это был театр.

Как же я смогу описать Вашей Милости трагедию, в которой я явился одним из действующих лиц, ведь находящиеся на сцене не могут следить за развитием интриги, сменой явлений и декораций?

Замечательная метафора, позволяющая сыграть на двойном значении слова трагедия, которое может обозначать как пережитое, так и просто увиденное. В Лиссабоне разыгралась трагедия, но с той существенной разницей, что в ней приняли участие *все*.

Там не имелось мест для зрителей, с которых можно было бы следить за ходом действия и игрой актеров. Актерам известно, когда должен закончиться акт и произойти смена декораций. А тут, отмечает автор, участники трагедии не знали, к чему ведет развитие действия, не видели пределов сцены и были не в состоянии предугадать, когда произойдет «театральная перемена», — сценой оказался весь город, со всеми своими домами и улицами.

Трован-и-Соуза не был единственным автором из Коимбры, использовавшим метафору театра, чтобы попытаться понять, что же произошло в столице нашего Королевства. Еще одна книжечка о Великом Землетрясении называлась не более и не менее как *Ужасный театр, Мражная сцена: Правдивое описание Землетрясения*. Непредсказуемый, грубый до непристойности характер природного бедствия был столь пугающе беспредельным, что его представлялось возможным осмыслить лишь при помощи предсказуемой, выверенной сценографии трагедий, которыми увлекались и сами лиссабонцы, ходившие в имевшуюся в их распоряжении дюжину столичных театров.

И вот перед нами на сцене уже находятся все действующие лица, каждое на своем месте, в ожидании безжалостного удара судьбы. В ожидании — не совсем подходящее выражение. Мы знаем, что должно было с ними произойти; но они-то не подозревали об этом. Мы уже поняли, что утренние мессы в День Всех Святых были всего лишь звеном в мирном, бесконечно повторяющемся цикле событий, состоявшем из церковных праздников, целований рук королевской семьи, прибытия и отправления судов, народных гуляний, боев быков, рабочих дней, очередных приемов пищи, засыпаний и пробуждений. В судьбе отдельных личностей могли время от времени происходить сильнеешие потрясения, но увиденная на некотором расстоянии жизнь казалась бесконечно спокойной и монотонной.

День с самого утра был ясным, погожим и теплым. Король, королева, принцы и принцессы находились в своем дворце в Белене,

где они должны были, перед торжественной мессой, принимать министров, послов, прелатов и членов судов. Жак Раттон, коммерсант из французской общины, сидел в своем рабочем кабинете. Он рано встал, сходил к одной из ранних месс Всех Святых и сразу после девяти был уже дома. Себастиан Жозе Карвалью-и-Мелу находился в родовом дворце Карвалью на Руа-Формоза — Красивой улице, тогда более известной тем, что неподалеку от нее были расположены дома терпимости, а не тем, что там стоял дворец будущего маркиза Помбала. Один из членов английской общины, коммерсант, сидел за конторкой у себя в комнате, в одном из верхних этажей своего дома в Байше — Нижней части города. В переулке Даш-Мудаш другой англичанин, виноторговец, все еще в ночной рубашке, беседовал со своими двумя португальскими друзьями, братьями Жозе и Франсишку Алвеш. В мансарде одного из домов на Руа-даш-Педраш-Неграш — улице Черных Камней — что рядом с Собором, молодой человек двадцати шести лет, исполнившихся ему в тот самый день, шел с ключом в руке, собираясь открыть шкаф. А посол Испании, граф де Пералада, находившийся в своей резиденции со слугами и единственным сыном, готовился к посещению королевской семьи в Белене.

На городских улицах уже полно народу. Люди толпились на улицах Байши, таких как Руа-да-Бетежга — Проходной улице, которая тогда была очень узкой, прижатой к стене Госпиталя Всех Святых, но длинной и вела на площадь Россиу. Люди спускались по Руа-душ-Оуриवेश-ду-Оуру — улице Золотых дел мастеров, направляясь от площади Россиу к церкви Святого Жулиана; проходили по Руа-душ-Меркадореш — улице Купцов, выходя из церкви Консейсан; затем поднимались по Руа-да-Кутелариа — улице Ножовщиков, между церквями Сан-Николау и Санта-Жушта, их маршрут продолжался по Руа-душ-Винагреш — Укусной улице, по пути к церкви Сан-Матеуш, — откуда они могли вновь выйти на Руа-да-Бетежга — Проходную улицу и вернуться на площадь Россиу. Все церкви были полны прихожан, богато украшены и ярко освещены канделябрами, люстрами, свечами и факелами.

Чуть позже половины десятого утра барометр показывал 27 дюймов и семь линий; а градусник Реомюра — 14 градусов тепла. Дул слабый северо-восточный ветер.

Послышался глухой мощный гул — «грохот, подобный ужасным раскатам грома» — и в тот же миг земля содрогнулась. Сначала колебания были небольшими, способными лишь подбросить листы бумаги на столе, но вскоре они усилились, «движение сделалось таким неудержимым и страшным, что стало понятно, что это не просто подрагивание». Более крупные предметы начали падать с полок, висевшие на стенах рамы и распятия затрепетали, будто жабры выгашенной из воды рыбы («the frames flapped against the wall», по словам одного англичанина-очевидца). Здания принялись раскачиваться взад и вперед. Земля сотрясалась, будто по ней проходили волны, скажут потом некоторые очевидцы, и будут совершенно правы, ибо сейсмическое явление представляет собой энергетическую волну.

Что это были за волны? Впоследствии писали, что трясение земли «принимало разную форму, земля то вздувалась, то проваливалась, то качалась из стороны в сторону, словно корабль в волнах». Другие свидетели отрицают это, утверждая, что трясение «шло только волнами, с ужасной силой, но без вспучиваний, провалов и боковой качки». Видимо, сейсмическая волна шла с юга, ибо здания раскачивались по оси юг–север, и сравнение этих колебаний с корабельными мачтами во время бури представляется весьма правдоподобным хотя бы потому, что данный образ используют многие очевидцы.

Английский коммерсант, сидевший за своей конторкой, сразу ощутил подземные удары. В первую же секунду мебель задрожала, стали падать на пол предметы. Англичанину удалось подойти к окну и выглянуть на улицу. По его свидетельству — опубликован-

ному в Лондоне в виде брошюры, озаглавленной «Частное описание недавнего ужасного землетрясения в Лиссабоне», — он увидел, как обрушилась часть здания, находившегося напротив его дома. Стены упали на двух прохожих, которые погибли на месте («That was bad enough», — пишет коммерсант), но худшее было еще впереди. «Не прошло и минуты, — продолжает он, — как я увидел, что мои жена и дочь (выбежавшие из дома при первом же толчке) оказались заживо погребенными под развалинами оставшейся части здания» (стоявшего по другую сторону улицы).

Видимо, дома стали рушиться начиная со второй минуты сейсмической катастрофы. Колебания стен лишали опоры крыши. Падала черепица, потом начали падать балки, стропила и потолки со всем, что на них висело, включая церковные люстры с горящими свечами. Обрушение крыш сразу же убило, покалечило или лишило возможности двигаться большинство находившихся в церквях прихожан, иногда заваливало выход и люди не могли выбраться наружу — а огонь свечей из упавших светильников быстро набрасывался на деревянные детали убранства. На улице на людей падали куски облицовки, черепицы и даже балконы и стены.

Говорят, что землетрясение, длящееся 30 секунд, кажется бесконечным пережившим его людям. А тут прошло тридцать секунд, и еще тридцать, и еще, и еще. В какой-то миг трясение земли вдруг прекратилось, дав лиссабонцам некоторую передышку. Но эта первая передышка, как и вторая, продолжалась считанные секунды. Толчки возобновлялись с новой силой, и среди людей, в первый момент испытывавших только страх, началась паника. Что же с нами произошло? Сильные землетрясения случались в Лиссабоне не столь часто, чтобы память о них была еще свежа среди людей того поколения. Естественно, в коллективной памяти сохранились какие-то воспоминания о землетрясении 1531 года — *другом* Великом Лиссабонском Землетрясении, — но 1531 год был почти так же далек от того поколения, как 1755 год от нас. Землетрясение 1531 года было пережито пра-пра-пра-прадедами лиссабонцев 1755 года.